

18+

Евгений А. Красивов

Стихотворные страшилки

Книга первая



Евгений А. Красивов

Стихотворные страшилки. Книга первая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71677912

ISBN 9785006547339

Аннотация

Первая, и надеюсь, не последняя моя книга, под реальным именем. Здесь собраны жуткие байки в стихотворном формате, часть из которых является аннотациями к более раскрытым произведениям в прозе. Несколько из них уже существуют, какие-то начал, задумки – прочие. В общем, приятного погружения в мои миры кошмаров.

Содержание

Понедельник 13-ое	7
Жуть на закате	9
Жуткая овечка	10
Писатель	11
Давно	12
Верующий	15
Огни фонарей	17
Сделка	19
Гостья	21
Новогодний ужин	22
Снежные упыри	24
Отражение	26
Проклятый квартал	28
После похорон	29
Страх в старых стенах	31
Чума двадцатого века	33
В гостях у сказки	36
Справедливость	38
Шутка	40
Серость	42
Блуждающая книга	43
Снежный человечек	45
Шавки	46

В граде мёртвых	48
Колдун	50
Ёлочка	52
Реальность	53
Простенький мужик	54
Важатый	56
Индекс нищеты	58
Бессмертные	60
Дименция	62
Инквизитор Айболит	64
Судьба человечества	65
Квадробвирус	67
Ведьмина цена	69
«Басейны душ»	71
До рождения	73
Кто-то вечный	75
Мёртвая осень	76
Перерождение	77
Другая Ассоль	79
Страшилки парка	81
Молитва к Сну	82
Лесная байка	84
Девочка в белом	86
Кошачьи боги	88
Неожиданно	90
Рыжая	92

Полуночица	94
Ненавидящий	96
Озёрные тени	98
С новым годом?!	100
Пепел с небес	101
Глухая тишь	103
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Стихотворные страшилки

Книга первая

Евгений А. Красивов

© Евгений А. Красивов, 2025

ISBN 978-5-0065-4733-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Понедельник 13-ое

Понедельник, день тяжёлый,
Показаться может вам.
Только есть куда страшнее,
Где тринадцать, есть глава.

По началу славно будет,
Рыжей кошкой, всё пойдёт.
Только то ведь не на долго,
Как расслабишься залёт.

Всё что радость приносило,
Обернётся в антипод.
Та свершившаяся «ласка»,
К той, с косою, вас приведёт.

Уберечься кстати шанс,
Предоставят чертенята.
Главное не прозевать,
Как «всплывёт» подсказка.

Впрочем и понять её,
То не каждому под силу.
А уж если хрестанут,
О спасении забудь.

Жуть на закате

Багряное небо, теней чернота,
Чудесный закат и вечер приятный.
Им сладко спалось в стогу до того,
Как грохот раздался за лесом.

Вскочили они, в чём мать родила,
Ведь были весьма молодыми.
А волосы их, шевелились стоймя,
От зрелища чуть охренели.

По дачной дороге, жутко гремя,
И след оставляя ила,
Из прошлого ехал нещадно дымя,
Гнилой по краям, танк Тигр.

*Байка услышана в нулевых,
переделана в ...25-ом*

Жуткая овечка

Про овец пушистых,
Будет монолог.
То есть про их счёт,
Несколько тут строк.

Шутка ли, овечка,
Избегав прыжок,
Сиганула в мглу,
Тёмную, как смоль.

Именно она,
Стала возникать.
Перед тем, как кто-то,
Прекращал считать.

Стоит вдруг увидеть,
Жуткую овцу.
Не сбежать из сна,
В общем, ни кому.

Писатель

Безумно талантливый писатель,
Творит романы много лет.
Их прочитать все не возможно,
Не хватит жизни и во век.

Без отдыха творил в начале,
Однажды понял, устаёт.
«Наняв придуманных героев»,
На них талант он перенёс.

Сам же, творил всё реже он,
Да и романы, так себе.
Повторы тусклые везде,
И по сему ушёл во вне.

Страницы книг, что написал,
Дни жизни в общем то для нас.
Был гений некогда в миру,
Но отдал книги, он врагу.

Давно

Было это, так давно,
Что и вспомнить не кому.
Разве что, монах какой,
Записал то в летопись.

Русь уже приняв Христа,
Память растеряла.
Что была ведь велика,
И звалась Тартария.

В общем, был в ней городок,
Как бы без названья.
Ну и жил в нём мужичок,
Обожал, что знанья.

Люд ходил к нему гурьбой,
За советом, травами.
Был бы тот мужик попом,
То купался б славе бы.

В общем жил он, не тужил,
Был женат, с детьми.
Только славно жить нельзя,
Коль в соседстве, с тварями.

По срамному он навету,
Схвачен княжым был судом.
По нему же брошен в яму,
Ну и сгнил б, не будь собой.

Знал, как сказано не мало,
И людское и Богов.
Обратился было к тёмным,
Нави главным из отцов.

Сделку с Велесовой «тенью»,
Всё продумав совершил.
И почти что в то мгновенье,
Очутился у семьи.

Только вот, не знал он,
Что, давно уж одинок.
И момент, тот на погосте,
Обратил в печаль его.

Он озлобился на Бога,
Что его освободил.
Вспомнил речи он святоши,
В миг, у Чернобога был.

Велес, в тёмном облачении,
Рукою пол лица прикрыл.
И простым для всех движеньем,

Правду, мужику открыл.

Злость сменилась осознанием,

Понял он, чей был навет.

И вернувшись из Нави,

Проклял он попа завет.

В страшных муках умирал,

Каждый, мрази той потомок.

И куда б не убежал,

В счастья миг, сдыхал тот отрок.

Верующий

Жил да был один парнишка,
В церковь он ходить любил.
С богом стоя у иконы,
Обожал он говорить.

Исповедовался богу,
Он, всегда во всех грехах.
Начитавшись их он книги,
Душу, сильно изливал.

Свято верил в правоту,
Всех своих дияний.
И покинув бога дом,
Хаил всех кто рядом.

И однажды, с утрица,
Всё, как обычно начал:
Материл соседий он,
Без причины чаще.

Пнул котёнка и щенка,
И до слёз, детей довёл он.
Верил этот оболдуй,
Что прощённый богом.

Но на «зебре», понял он,
В то, последнее мгновенье.
Что врат рая, не видать,
Ведь асфальт под ним развергся.

Помни глупый ты верун,
Церковь не спаситель.
За поганый жизни путь,
Бездны, не избегнуть.

5 января ...25-ого

Огни фонарей

Пред нами грод цветущий,
Огнями ламп и фонарей.
Прохожие все в предвкушенье,
Ведь новый год, почти уже.

Но то иллюзия конечно,
Для вида вся та красота.
И тишина в ночных кварталах,
То, тоже бутофория.

На самом деле, всё не так,
Вас в подворотне ждёт чувак.
Он, нападает из тени,
Повестку, чтобы вам вручить.

И только вот она у вас,
Как исчезает, сей чувак.
А вы, дрожащею рукой,
Открыть пытаетесь её.

И пред глазами жизнь летит,
Конверт вскрываете в ночи.
Под светом уличного фонаря,
Откроется судьба твоя.

Вот только на бумаге сей,
Не то, что мнили вы себе.
В ней МЭР, зовёт на праздник вас,
На площадь в новогодний час!

28.12.24.

Сделка

Не первыми «америкацы»,
Пошли на сделку с Сатаной.
В сём первенство испанцев,
Католиков судьбой.

Однажды в тёплый вечер,
Аббата встретил чёрт.
И ненароком к сделке,
Святошу он привлёк.

Он предложил для культа,
Поклонников привлечь.
А поп, со своей братьей,
Девах, должен принести.

В сомненьях поп лицо закрыл,
И в позе той, на лавку сел.
Чертяка было усомнился,
Что сделка всё ж осуществится.

Но поп внезапно повернулся,
И усмехнувшись произнёс:
– Согласен с сим, заключим сделку,
Духовный суд, поможет в сём.

Гостья

Он расслаблялся в интернете,
Когда услышал в дверь звонок.
И не хотя, поднялся,
Поставив свой бокал на стол.

За дверью ждал его сюрприз,
Который позже полюбился.
Певучий сладкий голосок,
Позднее, всё же, что прижился.

Примерно месяц душа в душу,
Прекрасно было всё у них.
Вот только вот, однажды ночью,
В лесу очнулся, в один миг.

Новогодний ужин

Тяжкой поступью шагает,
Средь снегов лесник один.
Сквозь сугробы он ступает,
И тихонечко ворчит.

Впереди, уж показались,
Дома жуткого огни.
Тот лесник пыхтящий трубкой,
Усмехнулся вроде им.

Он идёт между деревьев,
Волочит мешок большой.
От которого на снеге,
След идёт прям бороздой.

Выбрался лесник во двор,
Снова пыхнул он «трубой».
С силой брошенный мешок,
В миг раскрылся под луной.

Чёрен был он от крови,
Вид ужасный изнутри.
Ведь наполнен он людьми,
То чем есть, теперь они!

Снежные упыри

Радостью наполнен дом,
Коль католики есть в нём.
Ныне днюха бога их,
Значит, и подаркам быть.

По ночам, в жильё людей,
Проникает добродей.
И в мешке его «огромном»,
Эйфория для людей.

Так вот было, изначально,
Тот дедок людей любил.
Только вот не в эту ночку,
Ныне вендиго, старик.

Так бывает с ним лиш раз,
В несколько столетий.
Как накопится вся злость,
От людских то действий.

Выжить встретив старика,
Крайне будет редко.
Ведь в помошниках его,
Упыри из снега.

Отражение

Всё у него не ладно,
Всё валится из рук.
Сие реально странно,
То мистики росток.

В бога верить, не желает,
Но прислушался к людям.
В церкви, истово молился,
Только вот, всё это зря.

В церкви не найдя спасенья,
Подался он к колдуну.
Тот взглянув и усмехнувшись,
Произнёс: – «Что ж помогу».

Ритуал за ритуалом,
Вроде бы, то помогло.
Все несчастья отступили,
Как бы показалось, то.

Но однажды, мужичок,
У зеркал остановился.
И задержавшись там чутка,
Со вздохом, удалился.

Уходя, не видел он,
Странность, в облике своём.
Тот яхидно ухмылялся,
Когда дом, покинул он.

В скорости, исчез из виду,
Он пропал из жизни той.
Только слух прошёл, что виден,
Он на кладбище порой!

Проклятый квартал

Оно не зримо глазу,
Но власть имеет здесь.
Не только над живыми,
Но так же, и для стен.

А на окраине столицы,
Не достроена больница.
И за многие года,
«Тьму» впитала «всю» в себя.

Пришёл всё ж день, снесли «могилу».
Но лишь с поверхности земли.
Подвалы же остались,
В наследство остальным.

И снова время потекло,
Квартал жилой здесь появился.
И заселившийся «район»,
Ночным кошмаром облачился.

14.12.24

После похорон

И снова в темноте один,
И тишина во всю уж правит.
Мерцает синевой экран,
Курсор лениво тут мигает.

Мне подвернулся эпизод,
Частица байки про котяру.
Что вроде умер и гниёт,
Не первый год под домом.

Но посещает ту квартиру,
Где прожил не один он год.
Где по ночам по коридорам,
Бродил, на шабаш свой.

И за одно, душой питался,
Не человека, что его кормил.
А женщин, что им умилялись,
Ну, человек что приводил.

Со временем, одна прижилась,
Кошак, подругу в ней признал.
С души, кусочков не снимал,
Но, ласкою её «питался».

Случайно, но скорей судьбой,
Он в пятницу, убит собакой.
Оплакан человечесьей он семьёй,
Хоть похоронен, но остался рядом.

Страх в старых стенах

Холодок коснулся кожи,
Когда все, пришли в себя.
Ни чего друзья не помнят,
Как попали всё ж сюда.

Разве что был эпизод,
У картины те стояли.
Все кто был тогда живой,
В комнатах пока плутали.

Судьбы их плела девица,
В кресле, и играя спицей.
Был душою ты упырь,
Ныне притворился в пыль.

Остальным терзаться,
Был наказ судьбой.
Снова прогуляться,
В доме тьмы ночной.

Вспомнили основу,
Выглянув в окно.
Все они, как были,
Прокляты давно!

К окнам души подойдя,
Оторопели сразу.
Там, за шторами в пыли,
Были те же стены!

Чума двадцатого века

Она одиноко стоит от метро,
Причём, весьма очень давно.
Здесь не было града, одно лишь село,
Деревня средь леса, усадьба «богов».

В ней по началу жил колдун,
«Святой» водой поил среду.
Был уважаем он людьми,
Ведь не болели все они.

И жертву попросил лишь раз,
Девуцу, Марфушку, жену.
Что присмотрелася к нему,
И в счастье, родила ему.

Но мир, не может сладким быть,
Проблемы ожидают слыть.
Завистников, плодит судьба,
И будет род их от Жида.

Как раз на Русь пришла беда,
Ублюдка род, свёл всех с ума.
Законом древним, «Бога» от,
На трон её, взошёл урод.

Колдун тот потеряв семью:
Убиты были, в том году.
Подался в лес, где суд чинил,
Над псами секты «коммунизм».

Случайно, а быть может нет,
Посёлок отравился.
Не мало тех, кто был в селе,
Со светом сим, простился.

Как позже выяснили комиссары,
Виной тому, вода была.
Та самая, от колдуна,
Из башни, на углу посёлка.

Колдун был в горе, как и все,
Но один «Швондер» обнаглел:
Вину за смерть, детей и баб,
Повесил всё ж на мужика.

С десяток местных повелись,
На расскази еврея.
И попытались колдуна,
Повесить прям за шею.

Но обитатель башни,
Был крепче чем они.
И разметав нападвших,

Исчез, колдун в тени.

И лишь потом, спустя года,
Прознают в той деревне.
Был не виновен тот колдун,
И «Швондер», был повешен.

Причина ж заварушки,
Была тогда, вода.
Нельзя, чтобы властям,
Досталась она.

В гостях у сказки

Где-то глубоко в лесах российских,
Странная поляна у пруда.
Здесь, как будто бы нарочито,
Рост газона, в два вершка.

Странность будет ведь не в этом,
И не в том, что не растёт.
И не в жуткой здесь ограде,
А, в избушке на краю.

Все о ней слыхали с детства,
Ладный дом, на двух бревнах.
Правда это, из далёка,
Ближе, ужаснёшься, факт.

Дом стоит, давно весьма,
С до рождения Христа.
И он здесь, не просто так,
В мир ушедших, тут врата.

А хозяйкой в этом месте,
С давних пор, сидит она.
Складная на вид «девица»,
Чернобогу, что жена.

В их судьбе проклятье есть,
Кто наслал уж и не вспомнить.
Только вместе им не быть,
Разве что часок, и в полночь.

Полночь тоже, не всегда,
Лишь когда взайдёт луна.
Да и то, коль праздник,
В год, всего чутка.

Справедливость

Страны многие, пустыни,
После ядерной зимы.
Век, другой, всё возродилось,
Города уже целы.

Всё теперь, идёт как раньше,
Но и с разницей в умах.
И законы, не просты,
В тысячу раз, теперь сложны.

Ныне смерть, не применяют,
Разве что, в редчайший миг.
Криминал, почти нечтожен,
Не рождаются они.

Ну, а если, вдруг есть факт,
Пременим, жестокий такт.
Всех виновных ниже рангом,
Мелких тварей, что из них:

К стенке, как бывало раньше,
После их, свиньям, скормить.
А уж тварям выше рангом,
Смерть иной, завет решит:

Умирают либералы,
Ну, и прочая комня.
На всеобщем обозрение,
В мясорубке, за живо.

Шутка

Утро выдалось чудесным,
Он проснулся, в духе светлом.
С радостью почистив зубы,
Мужичок, приколом решил.

В не квартиры, он очнулся,
Был отель ему ночлег.
Он бродяга по работе,
Эвелирный был курьер.

И любил бродяга этот,
Чёрненько, так пошутить.
Из постельного белья,
Трупик быстро соорудить.

И когда уж номер сзади,
А на выход дверь, вблизи,
До него вдруг донеслося:
Эй, лови его, лови!

Шустрый в сём отеле «сторож»,
Быстренько его схватил.
Вероятно не в первые,
Он в ОМОНЕ, может служил.

Ни чего не понимая,
В номер он заталкнут был.
Из которого чуть ране,
Он с улыбкой выходил.

А теперь, он в шоке страшном,
В ужасе теперь стоит.
В страхе на кровать он смотрит,
Труп, реальный там лежит!

Серость

Корысть и жажда власти,
Не раз, губила мир.
Но всё ж нашли причину,
Она, у нас внутри.

И вырвав души из людей,
Добились мира во всём мире.
Исчезли воины, раздор,
И стало в мире тише.

Но посерело как-то всё,
Жизнь стала как у зомби.
Без цели жить, тихонько гнить,
И это ваши идеалы?!

Мир штука странная, не так ли?!
И держится всё на душе,
Хоть чёрная, хоть светлая,
Но весь баланс то, в ней!

Блуждающая книга

Место, где спустя века,
Будет стоять город.
А пока, здесь средь болот,
Капище Богов есть, тёмных.

Им известна жизни тайна,
Всмысли как, её продлить.
Основательно, на вечно,
От сестры её уйти.

Знаниям этим волхв один,
Предал форму слова.
Записал он в свой «дневник»,
Каждой тайны ворох.

А секретов и несчасть,
Всё известно магу.
«Дневнику» сему судьба,
Капища «подвалы».

За веками, шли века,
Град в местах тех появился.
А над капищем теперь,
Дом зловещий очутился.

Жизнь в нём проклята была,
И ни кто тут не прижился.
Правда был однажды тот,
Кто здесь поселился.

Только сказ уже другой,
Про него и книгу.
Что гуляет средь людей,
Как бы, и по ныне.

Снежный человечек

Ночь, почти что рождество,
Дом у озера лесного.
Здесь у самого пруда,
Странный снежный человек.

Не детьми он создан был,
Не для радости он ихней.
Кто-то странный есть в селе,
Рождество, считает лишним.

В миг когда наступит полночь,
Оживёт холодный «зверь».
Выпотрашит, заморозит,
Его узревших, он людей.

Шавки

Взглянув однажды на тв,
Они с цивилизацией расстались.
Забыли обо всех мирах,
И в лес, ошеломев подались.

Здесь долго жили как в раю,
Частично принимая «братьев».
И жизнь, действительно цвела.
Так долго жить, увы не кстати.

Было «посеено» зерно,
Враждебного там восприятья.
Убийство ночью, и поджог,
Случились в одночасье.

Толпою местные пришли,
К жрецу, его семейству.
И после споров, как овцу,
Огню предали не скорбяся.

Вот только, времени спустя,
Повтору быть здесь удалось.
Всё идентично, как тогда,
И женщине печаль, и месту.

В граде мёртвых

Начитавшись книг известных,
Мужичок бежать решил.
Ведь в стенах бетонных,
Долго бы ещё он жил.

Много лет копал он ход,
Каждый день, чертой отмечен.
В тьме капал, ну словно крот,
В плане, что без света.

И прекрасный день настал,
Прокопал дорогу.
Только не заметил он,
Рядом, доски гроба!

Свой побег свершил он ночью,
В час, когда для мёртвых шанс.
Выбрался под шум беспечный,
Криков ужаса, размах.

Он покинул труд великий,
Был изрядно в шоке он.
Местом, выхода на волю,
Стался «город мертвецов»!

Колдун

Рано утром, чуть с рассвета,
Он на окраине села.
Что почти уж, расселился,
И для «дачников» лафа.

Долго сей мужик, мотался,
Как цыган, бродил в стране.
И теперь, возможно дома,
В сём забытом он селе.

Занял он, заметный дом,
Что крестами венчен.
Но замечу парень тот,
С культом сим развенчен.

Он не прост, от слова, вовсе,
И поймёте позже, как,
Церкву в дом он переделал,
Не снаружи правда, факт.

И однажды, чуть за полночь,
Он слышал голоса.
Не в голове, коль кто подумал,
Но, от «дома», метрах в ста.

Там в лесу, погост имелся,
И, был ярко освещён.
Факелами в двух трёх метрах,
Свет здесь был, распространён.

Осветили не с проста,
Митинг, был тут у креста.
Кто-то корчил из себя,
Средь фанатов, Дьявола.

Смысл встречи был не ясен,
Тёмных праздников нема.
Речи были все без связи,
Понял он, что всё фигня.

Только не ушёл бродяга,
Проучить он их решил.
Будучи, не слабым магом,
В бегство, всех их обратил.

Ёлочка

В лесу родилась ёлочка,
И там она росла.
Но вот пришёл декабрь,
И ёлочке хана.

Под корень её срубят,
А труп, поставят в дом.
Украсят ту покойницу,
Игрушку для котов.

И будет она радовать,
И взрослых и детей.
Покуда не подарят,
Огню или земле.

Реальность

Тени многих ведь пугают,
Страх вообще властитель душ.
Но основу их питает,
Образы кошмаров, суть.

Прототипы разных монстров,
Копии лишь нас, живых.
Оборотни и вампиры,
И поверьте, здесь они.

Маски носят, с давних пор,
Притворяются людьми.
Но отвлечься только стоит,
Ужин будите для них.

Образы, конечно сказки,
Мифы всё это вообще.
Ведь в реальности те монстры,
Есть, но выглядят «страшной».

Простенький мужик

Времени прошло не много,
С тех далёких дней войны.
В граде странном поселился,
С виду, простенький мужик.

Много тайн хранится в граде,
И мужик, совсем не прост.
Только то не понял сразу,
Мэр, от города сего.

Годы шли, мир возрождался,
И спокойствие цвело.
Так казалось, ведь не знали,
По ночам, творилось что.

В сёлах ближних, деревнях,
Изчезал не часто люд.
Коль уж точным быть к сюжету,
Дети, пропадали вдруг.

И коль если б не случайность,
Продолжались бы те дни.
Но подростки, в подземельях,
На кошмар, там набрали.

Средь костей, не мало трупов,
И живых, нашли детей.
Долго бегал тот ублюдок,
Но прикончил его мэр.

Важатый

Лето, день весьма прекрасный,
По лесу пройтись судьба.
Вот и совершил важатый,
В этот день, поход туда.

Но, как только углубились,
Всё пошло совсем не так.
Девочки две заблудились,
Потерялись и на раз.

Битый час, искали малых,
А в итоге кутерьма.
Поиски те захлебнулись,
Растерялась детвора.

И теперь, он у болота,
Одинок и бледен был.
Всех детишек он по лесу,
Растерял и позабыл.

На болото мгла спустилась,
На коленях он стоит.
Молит бога Иисуса,
Хоть душою краснофил.

Весь в грязи, воняет жутко,
Мир вокруг, плод тишины.
Шепчет позабытую молитву,
На призыв, пришли они.

Духи леса, в силах чьих,
Многое, что изменить.
От их вида паренёк,
Припустился на утёк.

Всю дорогу за ним гнались,
Жути всякой напустив.
Обожают они страхом,
Всяких тварей излечить.

Вот и всё, лес раступился:
Уж без паники, седой,
Он с улыбкою довольной,
Рухнул прям, перед толпой:

Где в основе были дети,
Все, кого он растерял.
Парни, девки из вожатых,
Потеряшек пара та.

Индекс нищеты

Был обычный вроде день,
Ничего, не предвещавший.
Малой пятницей он слыл,
И средою звался.

К продолженью этой байки,
Надо мелочей сюда.
И начну, пожалуй с бара,
На краю у града.

Бар, стоит у озерца,
Осенью-весной, здесь жутко.
Словно дом сей, для неё,
Жизни, что сёструха.

И повадился в сей день,
Навещать тот бар, лукавый.
Он желанья выполнял,
За «душевную» награду.

Клиентов, не было отбоя,
То не понравилось судьбе.
И по сему, черта прижали,
Кому то было, по нужде.

И всё, пришлось ему уменьшить,
Походы в бар сей у воды.
И даже, сократить желанья,
До одного, что мезтью был.

Его он кратко описал,
И многим нравился сюжет тот.
Ведь обрикал на нищету,
С которой смерть, лишь выход.

И в зовершение, вам момент:
Он появлялся в ту лишь среду,
Чей индекс был всегда один,
Тринадцать, ну как в пятницу.

Бессмертные

Среди лесов тверской губернии,
Забытый городок стоит.
Он не оставлен человеком,
Но здесь и с жизнью косяки.

Он мглой окутан уж пол века,
Сей город, специально не найти.
Здесь обитатели бессмертны,
Пока туманом он всё ж скрыт.

Попасть в него, не сложно,
Ты просто, заблудись:
В окрестностях посёлков,
Что рядом, у Твери.

Мрачен град, как Сайлент Хилл,
Только здесь он, не далёко.
Там, коль сердцем ты не чист,
В секте ихней будет ловок.

Ну, а в нём, тебя накажут,
Местный мэр, не любит гниль.
Выбор, он всем предоставит,
Ну, а жизнь, сама решит.

Дименция

На рассвете ноября,
В граде стольном, тишина.
Звуков нет здесь вообще,
Странно, всё здесь, как во сне.

Не проснулось, ни чего,
Спит буквально в граде всё.
Или кажется, что спит,
Только ветер, здесь шумит.

Но Коль если присмотреться,
То узришь ты кой-кого.
Их не много, есть в округе,
И лежат, где-кто.

Та же участь и у тех,
Ночью кто был, среди стен.
В лёгких нет у них дыхания,
Жизнь, покинула их всех.

У сего есть объяснения,
Весьма страшные они.
Болен сильно, лидер штатов,
Ныне верх деменции.

И послал, безумец бомбы,
Что нейтронами полны.
Симметричный был ответ,
На планете, живых нет.

Инквизитор Айболит

Славный пастор Айболит,
Он под деревом сидит!
Ты на исповедь приди,
Может что, он и простит.

Психопат, маньяк-убийца,
Или просто либераст.
Кровожадный детубийца,
То есть просто хохлота.

Сколько личностей имеет,
Выпущенный порошком.
Всех изгонит, удалит,
Инквизитор Айболит!

Судьба человечества

Планеты полнятся людьми,
Желанья их всегда одни.
От тех, что «сладки» и добры,
До мрачных и конечно злых.

Всё это создано давно,
Земля не первая, в сём том.
И каждый раз, война,
Что губит души и тела.

А после, эра возрождений,
И снова начинается борьба.
Без крови по началу,
Но скоро вновь, придёт она.

Очень многие миры,
Дети древней пустоты.
Большинство из них мертвы,
В тьме всей этой, мы одни.

Вот такая вот судьба,
Неизменная в веках.
Мир всегда под колпаком,
Тех, кому не всё равно.

Квадробвирус

Мальчик Коленька однажды,
Увидал ребят по старше:
Что напялили личину,
Разного, зверья.

Захотелось и ему,
В «шайку» подростковую.
Смело малый подошёл,
К маске жуткой, пса иль волка.

И примерно в тот момент,
Над освещенною площадкой,
В небе чёрном, среди туч,
Вышло к людям, мёртвых, солнце.

На площадке, мало людной,
Завертелась кутерьма.
Белоглазые безумцы,
Рвали люд, по всем кустам.

А на утро, в тьме квартиры,
Загорелись пары глаз.
То от сна ведь пробудилась,
Колина, квадроб-семья.

Ведьмина цена

Легендами покрыты эти дамы,
Избрали мистики, что путь.
Проклятием себя затмили,
Призвав на помощь, Сатану.

При жизни власть их велика,
И чародейством, знаньем многим.
Творят разнообразные дела,
Как и добра, так и худобы.

Вот только доля не легка,
Платить придётся им душою.
Не в Ад, попасть лежит судьба,
А в теле гнить, без срока.

И даже это, лишь верха,
Молва порою всё ж правдива:
Их жуткие весьма тела,
Охотятся, ну, как вампиры!

А жертвы их, все молоды,
Но цель кадавров, не в крови.
Энергию и младость,
Крадут у детворы.

октябрь ...24-ого

«Басейны душ»

Храмы строит люд обычный,
Под главенством культов, вер.
Но в начале, Боги сами,
Возводили их, без стен.

В этих храмах, по сей день,
Закоулки, тайны прячут.
И «бассейны», «зданий» тех,
Держат искренний секрет.

Потолки под самым небом,
Хранят вечный полумрак.
Здесь, как свечи, над «бассейном»,
Огоньки златы, парят.

Поглядев в имплювий этот,
Поседеете, то факт.
По тому как, гладь евона,
Ряд теней покажет вам.

И возможно, перед вами,
Всё ж покажется она:
Дама, кожа чья туманна,
Голая среди пруда.

До рождения

На краю Зеленоградска,
Была не хоженная чернь.
Посреди неё имелась,
Мёртвых, скопища дерев.

Здесь когда-то жили люди,
Что молилися Богам.
Но пришли однажды «звери»,
Истребили их к чертям.

Кровью слабых из людей,
Женщин, стариков, детишек.
Пропитали хорошенько,
Территорию тех мест.

Вот прошли года, столетья,
Девятнадцатый уж век.
Мир серьёзно изменился,
Веры той, теперь уж нет.

Позабыты все легенды,
Байки, ныне же они.
По тому и дровосеку,
Тени эти, не страшны.

Нарубил деревьев старых,
Кстати были, те крепки.
И одно, с сучком полено,
У шарманщика в пыли.

Кто-то вечный

Где-то жизни нашей запись,
Кто-то вечный, всё ж ведёт.
Озорством, своим порою,
Славится евоный род.

Им известно всё о нас,
Каждый миг о нас понятен.
Мысли, что терзают нас,
Только ими навеваем.

Вот к примеру плохо всё,
Счёты с жизнью свод желаешь.
Этот бес, с тобою рядом,
Передумать, он не даст.

Мёртвая осень

На погосте красота,
Золото, любых оттенков.
Осень здесь, не суета,
Обрамленье смерти.

Тишь особая в сём месте,
Ну, почти что, как в лесу.
Те-же, голоса тут песни,
Что не всем, всё ж по нутру.

Как и лес, хранит он тайны,
Может быть, и по страшней.
Только осень, здесь прекрасней,
Чем, в местах, среди людей.

Да и холодок, что в парках,
Он, совсем другой ведь тип.
Просто зиму, он напомним,
А не выход, в другой мир.

Перерождение

На исходе дня, во тьме уж,
Паренёк у речки брёл.
Был в Дравину малый этот,
В праве был, ведь выходной!

Был не спешен, стоп держал он,
Чтобы просто, пригубить.
Незаметно с вечеринки,
Портвешку он прихватил.

Останавливался часто,
И не только чтоб глотнуть.
Он на древо оперевшись,
На луну хотел взглянуть.

Тихо всё вокруг, без звучно,
Буд-то умерло всё тут.
Только пареньку всё пофиг,
Воет малый на луну.

В этом вое, слышно боль,
Что беднягу здесь терзает.
Не душевную, а боль,
Тело что, его меняет.

Другая Ассоль

На краю земли, у моря,
Девушка стоит давно.
И мечтает та девица,
Чтоб сбылось пророчество.

Все вы знаете её,
И пророчество известно.
Эта ж байка о другом,
О мистическом.

На берегу Ассоль стояла,
Вглядываясь в даль.
К ней со спины судьба «спешила»,
Хромая, с палкою в руке.

И было предложенье ей,
Не без подвоха всё конечно.
Вот только ей, уж всё равно,
Прочество уже «подсохло».

И вот, оно свершилось,
Мгла над морем расступилась.
И почерневший от воды,
Корабль шёл из пустоты.

Корабль статен и красив,
Для тех кто любит «мёртвых».
И парус алый от крови,
Вздымается на нём.

Страшилки парка

Парк осенний, мрачный день,
Сумрак тёмный, фоном служит.
Слышно где-то в стороне,
Глас вороний, филин ухал.

По асфальту и земле,
Мгла ползёт к аттракционам.
Жутко в этой тишине,
Сторож, мужичок здесь новый.

Все страшилки, он уж слышал,
И правдивые и нет.
Но сегодня, не обычно,
Ни кого в сём парке нет.

Атмосфера кстати тоже,
Для него, всё в первый раз.
И хоть «малый», сей не промах,
Страх, по близости сейчас.

Молитва к Сну

Дети тьмы, кошмаров образ,
В эту ночь придут к тебе.
Если днём тебя терзали,
Черти некие, везде.

Но спастись от сего можно,
Попросите лишь его:
Бога, что сидит на троне,
На границе двух миров!

Просьба та, звучит молитвой,
Но явится не ей.
Презирует Бог видений,
Умоляющих людей.

Приведу слова «молитвы»,
И поверьте, сила в них.
Только важно их сказать,
Правильно и чётко:

Сон, врата мне приоткрой,
В мир свой, без кошмаров.
Просьбу выполни мою,
Пусть, то будет даром!

Лесная байка

Среди давно не хоженного леса,
Не столь далёко от Москвы.
Стоит забытая деревня,
И в общем, даже не в глуши.

Её оставили внезапно,
Как ту деревню, «Роанок».
Но вот ни кто и не заметил,
Что был вообще сей эпизод.

Прошли года, десятилетия,
В стране был облик изменён.
Была империя советов,
Уже давно, срок их истёк.

Возможно все эти события,
К забвенью всё ж и привели.
Но, у судьбы иные планы,
Сценарий сёстры пишут, хит.

Где в центре будет паренёк,
Что заплутал в походе.
И невзначай её нашёл,
Порадовавшись вроде.

Девочка в белом

Ночь, кулон с драконом,
Где-то там в верху.
А в низу погост есть,
Скрытый, что в лесу.

Где-то в его центре,
Девочка сидит.
В очень белом платье,
Что-то говорит.

Говорит на чистом,
Мёртвом языке.
Чертит пентограмму,
Здесь прям, на земле.

В паузе короткой,
Слышно и ответ,
Что приносит ветер,
С очень мрачных мест.

Хочется малютке,
Поискать друзей.
Средь существ эфирных,
В общем, не людей.

Кошачьи боги

Подобрав голодного котёнка,
Что к тебе, сам подошёл.
Будь уверен, ему нужен:
Это он тебя нашёл.

Ласков, рад, тебе всегда он,
И мурчаньем усмирит.
Буйство чувств и паник,
Что в твоей душе горит.

Всё это благое дело,
Тоже в общем не спроста.
Всё то нужно для того лишь,
Чтоб кормиться ему, да.

По ночам, на грудь взбераясь,
Он дыханье забирает.
Так лишь кажется друзья,
Исчезает то душа.

Он порою убегает,
Тыгыдык, не слышит дом.
Где-то в тьме к богам кошачьим,
В этот миг несёт он зов.

Октябрь ...24-ого

Неожиданно

Это, в общем то случилось,
То, что уж давно мы ждём.
Чем пугают кинофильмы,
Ну а раньше, секты фон.

И естественно она,
Оказалась не права.
Так оставшимся в живых,
Показалось тогда.

Мир не залила вода,
Метеорит проблем не создал.
«Бог», не создал иной жути,
Это сделал, человек.

Нет не вирус, не война,
А открытые врата.
И опять вы ошибётесь,
Нет не в Ад, хотя...

В общем ночь укрыла землю,
Но с обеих всё ж сторон.
Человечество уснуло,
А очнулося, не всё.

Только это верх проблемы,
Та с косой, ведь не ушла.
Где-то утро появилось,
Где-то, больше никогда.

Рыжая

Кошка, перешла дорожку,
Коль черна, то быть беде.
Этот миф развила секта,
Корни чьи, в Израиле.

А с языческих времён,
Мысль, про солнечную кошку:
Рыжая, как та хозяйка,
Глаз по сути, как её.

Рыжик сей перебежав,
Улыбнётся по кошачьи.
Коль увидишь сей момент,
Будет жизнь твоя удачной.

Коль нет гнили за тобой,
То удачи будет ворох.
А коль гнида ты душой,
В жизни будет, только шорох.

Отвернётся та благая,
Повернётся всё ж чужая.
Ты о счастье, позабудь,
Ведь с тобой, одна лишь муть!

Полуночица

Горизонт полоской алой,
Разделил мир попалам.
В доме каждом в это время,
Многие ложатся спать.

Потому, как позабыли,
Это делать нам нельзя.
Лишь во тьме, покой настанет,
Отворятся врата Сна.

В час разрыва двух миров,
На закате если точно.
В мир живых, придёт она,
Чтобы не пустить туда.

Будет мучить, страх вселять,
И кричать вас заставлять.
Может отравить болезнью,
В общем, стерва ещё та.

А спастись от неё просто,
Надо «ставни» затворять.
Коли это не возможно,
Просто, девку заболтать.

Жаль, что шанс побыть у Сна,
Сократится, и весьма.
День вас радовать не будет,
Бес Зевота, рядом шутит!

24.09.24

Ненавидящий

Тьмою скрыт в подножье дома,
Дикий парк и озеро.
Средь деревьев тех зелёных,
В тьме ночной, живёт оно.

Заплутавшему поможет,
Коль не разглядит в нём зло.
А коль гнилью ты наполнен,
Не вернёшься ты домой.

Вроде положительного много,
Можем в ЧУДЕ, усмотреть?!
Только не было б той байки,
Коль не проклятое, НО!

Чудищу порой не ладно,
С головою ой беда.
Даже мелкая провинность,
Извините, вам хана!

Правда есть и мелкий плюс,
Появления его, редки.
Спит оно в подвале «древнем»,
Средь забытых яблонь, груш.

Озёрные тени

Озерцо на окраине града,
Уж давно забыто людьми.
Это днём, по крайней мере,
Ночью, здесь иная жизнь.

Оно скрывается от глаз,
Известно, далеко не многим.
Там кроме этих вот не всех,
Ночь, призовёт и мёртвых.

Василий, мужичок обычный,
Поклонником рыбалки слыл.
И в силу этого, конечно,
Все водоёмы посетил.

И вот однажды кто-то,
Подкинул карту с озерцом.
Василий, даже не подумав,
В тот час, моментом был на нём.

Вот только, пожалел он о решении,
Как только сумерки пришли.
Здесь отовсюду появились тени,
Давно уж, не живых.

С новым годом?!

Отметить подползавший новый год,
Три мужика, с утра решили.
Так вышло, у судьбы своё,
На то было решение.

Ведь на работе «ВЫХОДНОЙ»,
Произошёл случайно.
А дома делать не фиг им,
Ни кто ведь не женатый.

И всё бы было ничего,
Ну выпили б, да разошлись.
Вот только тот кто наблюдал,
Охоту объявил на них.

Пепел с небес

Холодок и мгла по всюду,
Мир накрыл здесь, серый мрак.
Ко всему с небес на землю,
Хлопьями кружит зола.

Городок пустой по сути,
Ни души в нём не найдёш.
Но момент сей, здесь не вечен,
Есть здесь кто-то, всё ж ещё.

Этот ужас осознал,
Паренёк наш, русский.
Он очнулся в сём миру,
В страхе весьма жутком.

Ведь на кануне задремал,
В Москве он, перед манитором.
А ныне, не известно где,
Средь серых стен бетонных.

И то, не пол беды ведь даже,
И многое лишь впереди.
Кошмар не виданный до селе,
И жуткие, сектанты.

Глухая тишь

Дом высотка, среди парка,
Ну не парка, так леска.
Где когда-то было страшно,
Кровь, как речка в нём текла.

Правда было, то не часто,
И решилось всё легко.
Просто вырубили «лес»,
И поставили тот дом.

С первых дней жилищам казалось,
Будто в доме что-то есть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.